

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 132 (4098)

Вторник, 27 октября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

СЧАСТЬЕ

Михаил ДУДИН

СЧАСТЬЕ — слово огромной вместимости. Оно похоже на океан и небо одновременно.

Счастье можно взять только сообща. Это я впервые ощутил в детстве.

В прошлом году мой старый фронт-овой друг по взводу разведки Костя Мякишев пригласил меня на перекрытие Волги в Сталинград.

Вот и кончается наша работа, — сказал Костя не то с сожалением, не то с восторгом.

Было это совсем недавно. Я остановился в толпе людей на Невском, собравшихся у репродуктора.

«Нам детский сад», — говорит ребенок. «Наша школа», — говорит подросток.

И все уж не мое, а наше, И с миром утвердилась связь.

МНЕ ПРИШЛОСЬ сразу же после окончания войны с белофиннами служить на полуострове Ханко.

Герои наших книг

У Вари Белой

Есть произведения, к которым время хочется возвратиться, оживить в памяти любознательные образы.

Сейчас я вас удивлю. Здесь в городе живет одна из героинь этой книги — Варя Белая...

Лидия Васильевна Колбачица, — представляет она. Я немного обескуражен.

слушателями и радуюсь этому. Иногда я вижу около своей телеги всего двух-трех человек и очень огорчаюсь этому.

Каждый из нас по-своему везет свою телегу и говорит со своей вышки свое о нашей победе.

За сорок лет у нас появилась самая оптимистическая литература в мире.

Я с трепетом брал книги Стрейнбека и Хемингуэя, Ремарка и Бёля.

И я был горд за то, что нам, советским писателям, самой жизнью нашей дано великое право на оптимизм.

НЕ ТАК УЖЕ ДАВНО началось наша победа. Она пришла с Ленинским лозунгом «Вся власть Советам!».

Мы наш, мы новый мир построим: Кто был ничем, — тот станет всем!

И снаряд, выпущенный из носового орудия «Авроры», превратился в спутника Земли, ушел в космическое пространство.

Вот масштаб, которым измеряется наша действительность!

После запуска спутников и межпланетной станции я сердцем понял, что человек может все!

Мы начали штурм космоса. Ожил и помолодел и стал нашим сверстником великий мечтатель Константин Эдуардович Циолковский.

Мир начинает дышать надеждой и прислушивается к голосу разума нашей Родины.

Нам предстоит потрудиться очень много, чтобы навсегда свалить стену вражды и отчуждения между людьми и между народами.

Во время революции Александр Блок нашел в себе и силу, и волю услышать и передать в поэме «Двенадцать» музыку самой революции.

«А мир — прекрасен, как всегда».

Злой не верит, что есть добрые люди. Но людей доброй воли больше на земле, чем злых.

Недавно на страницах «Литературной газеты» я прочел стихотворение Бориса Слуцкого «Физики и лирики».

В комнату входят две женщины. Это дочь Лидия Васильевна и Наталья Ивановна.

И в пегасовом полете не взлетают наши кони... То-то физики в почете, То-то лирики в загоне.

Не знаю, зачем понадобилось Борису Слуцкому признаваться в своей несостоятельности.

Был у меня на Ленинградском фронте друг, поэт, гвардии лейтенант Георгий Суворов.

Время процесса фотографирования было выбрано так, чтобы станция на своей орбите находилась между Луной и Солнцем.

Время процесса фотографирования было выбрано так, чтобы станция на своей орбите находилась между Луной и Солнцем.

Вот вспомнил я это, и мне стало, товарищ Борис Слуцкий, обидно — и за Георгия Суворова, и за Тихонову, и за Твардовского, и за Алексея Негонову, и за Николая Асеева.

И для людей. Вот вспомнил я это, и мне стало, товарищ Борис Слуцкий, обидно — и за Георгия Суворова, и за Тихонову, и за Твардовского, и за Алексея Негонову, и за Николая Асеева.

День поэзии — это праздник поэзии. Это отчет поэтов. Это день, когда читатель может встретиться с любимым поэтом не на поэтическом вечере, где их разделяет рампа, а в книжном магазине...

Чтобы человек пошел в гору

Захар ДИЧАРОВ

«Общественные организации призваны играть все большую роль в коммунистическом воспитании масс».

Новый проект закона, опубликованный для широкого всенародного обсуждения.

Наконец, сама жизнь поставила на обсуждение народа этот проект закона.

Вот масштаб, которым измеряется наша действительность!

ТРИ ГОДА и два месяца пробыл в заключении Виктор Шевляков, осужденный за хищение государственной собственности.

За плечами парня — двадцать три года жизни; впереди снова жизнь — та, что была до всего этого.

Но где теперь у Виктора дом? Умерла мать, отец куда-то уехал из Ленинграда.

Сбори не долги. Получены заработанные деньги (на первые две-три недели их должно хватить).

Начальник колонии пожимает: Виктор руку и добросердечно жалеет: Ну, товарищ Шевляков, прощай! Покаялся? Вот-вот. Счастлив!

Осенним вечером Виктор сходит на станцию Волховстрой-1. Моросит дождь. Вокруг царит обычная вокзальная суматоха.

В соответствии с намеченной программой научных исследований 7 октября в 6 часов 30 минут московского времени на борту автоматической межпланетной станции было произведено включение аппаратуры.

Для фотографирования Луны автоматическая межпланетная станция снабжена системой ориентации и фототелевизионной аппаратурой.

Время процесса фотографирования было выбрано так, чтобы станция на своей орбите находилась между Луной и Солнцем.

Включенная специальная командная система ориентации повернула станцию таким образом, чтобы объективы фотоаппарата были направлены на обратную сторону Луны.

Работа автоматической межпланетной станции на первом обороте показала, что:

успешно обеспечен полет космического объекта по сложной, заранее рассчитанной орбите;

решена задача ориентации объекта в пространстве;

осуществлена радиотелемеханическая связь и передача телевизионных изображений на космических расстояниях;

получено изображение недоступной до сих пор исследованию обратной стороны Луны и ряд других научных результатов.

толка, кому-то подносят цветы... Ох, как это невесело — выйти из агонии в незнакомом городе, где никто тебя не встречает и ни одна душа не ждет.

Куда двигаться? С чего начинать?.. Невольно растерянный, он присаживается на скамью и ничего не придумав, идет в ресторан ужинать.

Мой собеседник заказывает самое дешевое блюдо и усиленно нажимает на хлеб.

— Покуда ехал — почти все финансы ухнул. Ребята веселые попались, их угостил, туда-сюда, вот и... — он делая красноречивый жест: кармап кус.

— Ну, а дальше как? — Дальше?.. — Виктор почесывает затылок, но вид у него неунывающий.

Вскоре мы прощаемся; я уезжаю в гостиницу, не предполагая, что спустя несколько дней мы встретимся вновь.

Меня интересует судьба таких, как Виктор Шевляков. Какова она после того, как в их жизнь снова полноправно вошло слово «волю?»

На Волховском алюминиевом заводе обращают к заведующей отделом кадров. Трудная и своеобразная эта должность — быть кадровиком.

Что там толковать, нелегко бывает человеку снова встать на правильный путь. Паспорт в кармане — еще не все.

На следующий день мы встретились. Напротив меня сидел мужчина лет тридцати пяти, с продолговатым, слегка румяным на скулах лицом.

Какая она после того, как в их жизнь снова полноправно вошло слово «волю?»

Тогда З. пошел к директору ВАЗа. И тот понял: если З. с такой настороженностью стремится к людям, перед которыми виновен, значит, ему было мало получить досрочное освобождение.

С тех пор прошло около пяти лет. Начав с грузчика, З. стал одним из лучших бригадиров транспортного цеха.

Вместе с семьей он занимается на улице Крылова половину небольшого дома. Книжным полкам здесь отведено лучшее место.

Очень важно, — говорит З. — пусть строго, но умело и чутко встретить вышедшего «на волю» человека, помочь ему забыть о плохом и как можно быстрее привыкнуть к общественному, хорошему.

Неожиданно я вспомнил о своей встрече с Виктором Шевляковым и рассказываю о ней. И тут сдержанность З. сменяется волнением.

Борются у нас с преступностью не только. Но почему-то забывают о другом, не менее важном, — страстно говорит он. — Ведь нынешний порядок освобождения из мест заключения

неожиданно я вспомнил о своей встрече с Виктором Шевляковым и рассказываю о ней. И тут сдержанность З. сменяется волнением.

Борются у нас с преступностью не только. Но почему-то забывают о другом, не менее важном, — страстно говорит он. — Ведь нынешний порядок освобождения из мест заключения

неожиданно я вспомнил о своей встрече с Виктором Шевляковым и рассказываю о ней. И тут сдержанность З. сменяется волнением.

дня начала разнорабочим, покажи себя. Поселившись в общестини с хорошими ребятами, а уж остальное — в твоих руках!

В тот же день встречаю с высоким, могучего телосложения человеком, на круглом лице которого играют добрые, веселые глаза.

Нет, никто не давал ему специальных «руководящих» указаний о том, как работать с людьми, вернувшимся из заключения.

Он называет Семена Завельева и Михаила Кошкина, Ивана Петрова и Александра Кузьмина.

— Что же, по-вашему, главное в процессе трудового воспитания?

Иван Александрович, добродушно щури светлые глаза, обстоятельно отвечает:

— Главное, чтобы споткнувшись люди не чувствовали себя в коллективе отщепенцами.

— Какое там! Нетужилков — прогулял однажды. Кузьмин — подражал на производстве... Но больше, чем по одной «осечке», ни у кого не случалось.

— Обязательно побеседуйте с Семеном З., — сказали мне Чехонина и Шляхтин. — Интересный человек.

На следующий день мы встретились. Напротив меня сидел мужчина лет тридцати пяти, с продолговатым, слегка румяным на скулах лицом.

Какая она после того, как в их жизнь снова полноправно вошло слово «волю?»

Тогда З. пошел к директору ВАЗа. И тот понял: если З. с такой настороженностью стремится к людям, перед которыми виновен, значит, ему было мало получить досрочное освобождение.

С тех пор прошло около пяти лет. Начав с грузчика, З. стал одним из лучших бригадиров транспортного цеха.

Вместе с семьей он занимается на улице Крылова половину небольшого дома. Книжным полкам здесь отведено лучшее место.

Очень важно, — говорит З. — пусть строго, но умело и чутко встретить вышедшего «на волю» человека, помочь ему забыть о плохом и как можно быстрее привыкнуть к общественному, хорошему.

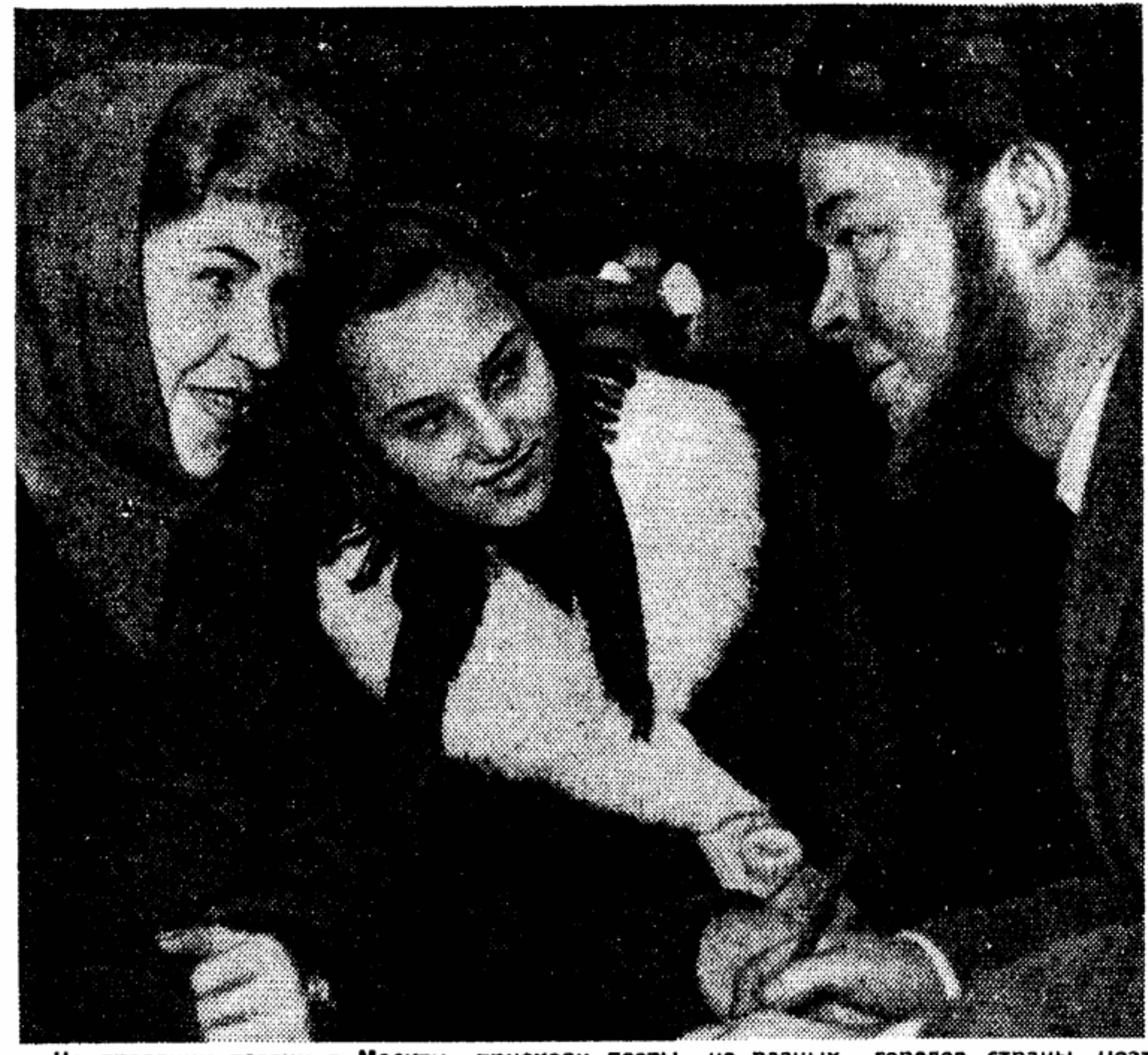
Неожиданно я вспомнил о своей встрече с Виктором Шевляковым и рассказываю о ней. И тут сдержанность З. сменяется волнением.

Борются у нас с преступностью не только. Но почему-то забывают о другом, не менее важном, — страстно говорит он. — Ведь нынешний порядок освобождения из мест заключения

неожиданно я вспомнил о своей встрече с Виктором Шевляковым и рассказываю о ней. И тут сдержанность З. сменяется волнением.

Борются у нас с преступностью не только. Но почему-то забывают о другом, не менее важном, — страстно говорит он. — Ведь нынешний порядок освобождения из мест заключения

неожиданно я вспомнил о своей встрече с Виктором Шевляковым и рассказываю о ней. И тут сдержанность З. сменяется волнением.

На праздник поэзии в Москву приехали поэты из разных городов страны, поэт-ленинградец Сергей Орлов встретился с молодыми москвичками.

Чтобы человек пошел в гору

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

не всегда сбергает человека от нового преступления. Хорошо, если ваш Шевляков устроится в Волкове на работу с общежитием, а если нет?.. На частную квартиру не всегда пускают — побаваются. Да и на работу силшод да рядом брать не хотят. Ну, а жить, есть надо. И спать надо. Идут ночевать на вокзалы, а там... Вы на эдешних вокзалах не бывали?.. Ну так съездите.

И вот глубокой ночью вместе с одним из культурработников города мы едем на волховские вокзалы. В зале ожидания станции Волховстрой-II на диванах виднеются скорчившиеся фигуры спящих людей. Дежурный по станции будит ночных обитателей:

— Куда едете?..

И выясняется, что ни Борис Нестеров, ни Константин Щербakov, ни Владимир Серков никуда не едут. Здесь место их ночлега. Все они недавно вышли из заключения, нигде не прописаны, никуда не пойдут с общежитием.

Внезапно я вижу своего недавнего знакомого — Виктора Шевлякова. На нем вместо прежнего пальто затасканная тесная куртка. Открыл глаза, Шевляков узнает меня и стесненно улыбается. — На работу не устроился, — нехотя говорит он. — Берут, если без общежития. А жить — где? Вот пальто продал... Уезжать надо. Милиция запретила дальше тут болтаться.

Ничего не осталось в Викторе от той веселой, жизнерадостной уверенности, с которой он приехал сюда. Передо мной подавленный, начинающий озлобляться человек.

Беседу с дежурным по станции, с работниками транспортной милиции. — Поймите и наше положение, — говорит лейтенант Коротков, — не можем мы позволить, чтобы человек, нигде не работающий, не прописанный, ночевал здесь неделями. Усаживаем в проходящий поезд и отправляем дальше.

— А куда? На какие средства? — спрашиваю я.

— Куда-нибудь, — с горечью говорит Коротков. — Нарушаем правила и просим начальника поезда, чтобы повез человека «зайцем» до такой-то станции... Но в поезде ему ехать не час, не два. А денег нет. Смотрю, — и попался в мелкую кражу.

Человек, вышедший на «волю», подобен тому, кто сломал ногу и долгие недели лежал недвижно. Теперь он вылез из больницы на улицу и шагает робко, неуверенно. Но ведь никто не покинёт его, не доведет до дому, и не скажет: «Шагай, шаг хомчел!».

А вот с бывшими заключенными нередко именно так и получается. Ряд лет подчиняются они строгому режиму, который укрепляет в них навыки систематического труда, в то же время вырабатывает известный рода автоматизм в простых жизненных вопросах. Заключенному не нужно думать о крове, постели, стирке белья, о приготовлении пищи. В какой-то мере он утрачивает привычку контролировать свой бюджет.

ГОСТИ УЗБЕКИСТАНА

ПОЖАЛУИ, никогда еще ташкентский аэропорт не видел так много писателей, как нынешней осенью. Они слетались в узбекскую столицу не на торжества и не на съезд...

В Союзе писателей республики родилась замечательная идея — познать трудящихся Узбекистана с литературными братскими народами. Было решено провести в Ташкенте и в других городах цикл вечеров.

Его открыли писатели Москвы. А когда после двенадцатидневного пребывания в Узбекистане московская делегация отбыла домой, на ташкентском аэродроме опустился самолет с гостями с Украины. Затем в Узбекистане выступил писатель Таджикистана. Потом сюда приедут белорусы, за ними писатели Прибалтики.

Мы сибиряки инициативу Союза писателей Узбекистана очень ценим, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» руководитель бригады московских писателей П. Сажин. — Эти вечера открывают возможность дружеских творческих встреч писателей с читателями. В составе нашей группы были: Михаил Светлов, Ярослав Смельяков, Семен Линкин, Светлана Сомова, Леонид Леня, Евгений Евтушенко.

В Ташкенте, на первом нашем вечере, несмотря на то, что многие горожане и студенты в этот день выехали «на хлопок», зал Дома литераторов имени Хамиды Алмджидана был переполнен. На встречу пришли художники, артисты, композиторы, рабочие, студенты, начинающие литераторы.

На следующий вечер во Дворце культуры Чирчинского электротехнического комбината состоялась встреча с рабочими и инженерами. Председательствовал живущий сейчас в Узбекистане Константин Симонов. Помощая отчеты об этом вечере, узбекские газеты назвали его мушоррой. Мушорра — это поединок поэтов.

В Ташкенте, на первом нашем вечере, несмотря на то, что многие горожане и студенты в этот день выехали «на хлопок», зал Дома литераторов имени Хамиды Алмджидана был переполнен. На встречу пришли художники, артисты, композиторы, рабочие, студенты, начинающие литераторы.

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А
27 октября 1959 г. № 132

Самый поэтический день...

Когда же зачитываются стихами, как не в двадцать лет?

Но кто сказал, что поэзию любят только молодые? Все зависит от темперамента. Можно и до седых волос сохранить жар души.

Тов. РАКИТИН УКЛОНЯЕТСЯ ОТ РАЗГОВОРА...

— Не могу я вас принять, не могу.

Мы поговорим, вы понашитее неизвестно что, а потом с меня руководство спросит: кто это тебе разрешил интервью давать? Что я тогда скажу? — так говорил Георгий Аркадьевич Ракитин, исполняющий обязанности руководителя отдела охраны труда ВЦСПС. Признаюсь, я даже опешил у телефона. Пытаюсь обратиться к разуму человека, к его партийной совести. Напрасно.

— Нет. Не могу я с вами разговаривать. Ну, если вы уж так настаиваете, посетуюсь с начальством. Позвоните еще раз.

Звоню на другой день. — Посоветовались, Георгий Аркадьевич?

— Что? Ах, это опять вы? И же яно, кажется, сказал: не к чему мне с вами разговаривать. И руководство так считает...

— Что ж делать, Георгий Аркадьевич, давайте уточним вашу позицию: вы, стало быть, отказываете в приеме корреспонденту газеты? Напоминаю, у меня не личный к вам разговор — общественное дело...

— Не переключивайте вы! Никто вашей газете ни в чем не отказывает. Если вы двери для всех открыты. Если вам приспичило, хоть сейчас приезжайте.

Уточняем время встречи. Еду. Иду у двери кабинета минуя в минуту два часа и уезжаю ни с чем, неприятным.

Так и не состоялся разговор. Но я не могу, тов. Ракитин, оставить при себе то, с чем шел к вам. Не могу. Ни дог советского журналиста, ни гражданского человека не позволяю мне молчать.

НА УЛУЧШЕНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА только по коллективным договорам у нас в стране израсходовано в 1956—1958 гг. около 9 миллиардов рублей, кроме того, на 13,5 миллиардов выдано бесплатной спецодежды. Это огромные цифры. Всем известно, как много делают профсоюзы, чтобы улучшить условия работы советского человека, как много средств расходуется на организацию отдыха, разумного и приятного досуга трудящихся.

Но на этом пути — не одни розы. Встречаются и тернии. Вот о некоторых терниях я и хотел рассказать вам, тов. Ракитин, чтобы потом сообщить нашим читателям, как профсоюз устраняет эти неприятные «шипы», как вы воюете с ними.

Есть в Москве Кожевенно-обувной опытный комбинат. Это на удивление чистое предприятие. Если вам случалось когда-нибудь бывать на родственных комбинатах заводов, вы, конечно, знаете, что цехи первоначальной обработки шкур выглядят обычно малоразвлекательно. Спросите старого кадрового кожевенника, почему вокруг грязь, сырость, вонь, и он обязательно ответит:

— Так что ж вы хотите — кожа! Шкуру обрабатывать — не ватрушки печь... А между тем все пем на Московском комбинате одеты в кафельную плитку,

здесь изжит жестокий быч кожевников — вода, хлюпающая под ногами.

Директор комбината, бывшая заготовщица Вера Алексеевна Никифорова, с великим трудом, что называется, на своей страх и риск, раздобывала кафельную плитку, упорно улаживала в свое время начальника соответствующего главка, пока тот не сказал:

— Вы делайте, как считаете нужным, только в случае чего, я ни о чем не знаю!..

На комбинате сделали, «как считали нужным», и, понятно, не жалуют об этом. Но опыт москвичей не стал достоянием всех кожевников страны. Почему?

И вообще, думается, что проблема передачи опыта в области охраны труда заслуживает большего внимания. Вот характерный пример. Несколько лет на том же комбинате шнур лучшей способ освещения рабочих мест. На опыте экспериментируют, кустарничают, а получить серьезные научные рекомендации, действенную помощь никак не могут. Возможно, научно-исследовательские институты охраны труда давно уже решили эти проблемы, и на комбинате понапрасну воюют с ветряными мельницами? Вот об этом я и хотел спросить вас, тов. Ракитин.

Правильное освещение рабочих мест волнует многих производственников. На карандашной фабрике имени Сакко и Ванцетти с освещением не лучше, чем на кожевенном комбинате, а на Московском авторемонтном заводе № 2 — и того хуже...

Насколько я могу судить по многим встречам с производственниками, проблема передачи опыта пока — плохо распахнутое поле. Приведу еще один пример.

На том же авторемонтном заводе № 2 очень хвалят биологические перчатки. Действительно, отличная это вещь. Стоит намазать руки перед началом работы желтой масляной, напоминающей с виду ланолин, и до конца смены кожа защищена от воздействия краски, дыма, грязи. А на соседнем кожевенно-обувном комбинате об этих перчатках ничего до сих пор не слышали даже. Почему?

И еще одна история представляется интересной — история с латексными перчатками. Однажды авторемонтники увидели образцы этих бензино-маслостойких перчаток на выставке новинки, осваиваемых химической промышленностью. Узнали адрес института, где были изобретены защитные перчатки, поехали туда и умолили дать им пять пар на испытание. Испытание, остались довольны, попросили еще. Институт отказал. И, вероятно, научно-исследовательский институт прав. Не его дело — снабжение. Но отдел охраны труда ВЦСПС, кажется, должен заботиться о продвижении в жизнь такого рода технических новинки, хорошо зарекомендовавших себя на практике...

ПЕЧАТЬ УЖЕ МНОГО РАЗ начинала разговор о рабочей спецовке. Говорилось и о том, что ассортимент не устраивает — мал, и нормы носки не соответствуют реальным возможностям. А сколько толковали о том, что хорошие образцы так и остаются собственностью домов моделей или конструкторских бюро швейных фабрик. Вряд ли я сумею добавить что-либо новое в данный список старых претензий. Но не в диле списки — тысячи советских людей, наших читателей, интересуют, какие изменения произошли после выступления печати, и произошли ли они?

Визуальное наблюдение ответа на этот вопрос не дает. Я встретился со строителями Каракумского канала, с чернооцедами-портняжками, с работниками Московского асфальто-бетонного завода № 1 в их рабочих местах, и все они были обмундированы в одинаково устаревшие, в отличие от новейших комбинезонов или безобразно спитые брезентовые костюмы. Все жаловались на непрактичность рабочей одежды.

Работники карандашной фабрики имени Сакко и Ванцетти приходят в цехи в большинстве своем в стареньких ситевых платьях и домашних перчатках. На вопрос, почему они не пользуются стандартными халатами, (их выдают), отвечают прямо:

— Пусть тот, кто придумал эти ситевые спецовки, попробует загрузить в этой одежде сшитые пем или пресовать карандашные стержни. За час потом умоешься...

Возражать трудно: сатиновый халат действительно не может быть унифицированной формой одежды и в жарком цехе, и в прохладном складе, и у торговца прилавка, и на ремонтной яме в гараже.

Работники карандашной фабрики спрашивали меня: почему наша промышленность не снабжает их легкими ситевыми халатами, почему женская спецодежда шьется по мужским выкройкам, почему халаты салятся после каждой стирки?..

К сожалению, я не могу ответить на эти и другие вопросы.

КАК ПЕСНИ КОМИТАСА, КАК КРАСКИ САРЬЯНА...

(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКСЕЛА БАКУНЦА)

НЕОБЫЧАЙНО выразительную характеристику творчества Аксела Бакунца я впервые услышал от Авентика Исаакяна. Обращаясь к Мартиросу Сарьяну, он как-то сказал:

— О песнях Комитаса и твоих красках, Мартирос, говорят как о чуде, не поддающимся выражению словами. Но, знаешь, мне кажется, что это не совсем так. Был в Армении писатель, слово которого пело по-комитасовски и сверкало всеми красками твоих полотен. Это — Аксел Бакунц...

Аксел Бакунц издал первый сборник рассказов «Мтадзор» в 1927 году. Рисуя картины доревольционного прошлого армянского народа — разорение затерянных в суровых горах Загнэзуря нищих и голодных деревень — Бакунц в то же время осмысливал факты и явления жизни с чувством исторической пер-

спективы, с глубоким пониманием законов истории. Герои «Мтадзора» — земледельцы, охотники, ремесленники — люди каждодневного тяжелого труда. Ничто не дается им с легкостью — ни хлеб, ни вода, ни любовь. Они борются за жизнь в самом обыденном смысле этого слова. Но они же воплощают для Бакунца заатасную, подспудную духовную и моральную силу народа, который рано или поздно поднимется — убеждал писатель — на борьбу за новую жизнь. В последующие годы Бакунц создал книгу рассказов «Сеятели черных пашен» — о пути народов в революцию.

И здесь хотелось бы вернуться к словам Исаакяна: у Бакунца слово пело по-комитасовски. Это сказано очень тонко. Ведь и песни Комитаса — не только скорбь, не только печаль. И в них главное — духовная красота и чистота народа, право на радость, на счастье, на подлинную жизнь. Не будь у Комитаса этой веры, — заглохла бы его поэзия. Любовь к труженнику, ставшему бойцом революции, — главная тема многих замечательных рассказов Бакунца. Героев его произведений — расстрелянного дашнаками Абута, погибших в борьбе за Советскую власть Андо и Сета, мудрою пастуха Муром, сочинившего поэтический сказ о Ленине, старого матроса Стефана с крейсера «Аврора» — роднит общее чувство полновластных хозяев жизни, творцов истории. Они, как же герои «Мтадзора», любят свой край, родные горы, но как обновили, каким великим и новым содержанием наполнили их жизнь революция!

Писательский и жизненный опыт настоятельно вел Бакунца к созданию произведений большой масштабности и больших обобщений. Были начаты романы о Хачатуре Абовяне, о сложном пути армянской деревни от старого к новому, оставшаяся, к сожалению, незавершенными.

Но и то, что успел написать Бакунц за каких-нибудь десять лет работы в литературе, составило яркую страницу армянской художественной прозы.

А. САЛАХЯН

Торжественно отметили армянский народ 60-летие со дня рождения выдающегося армянского советского писателя Аксела Бакунца. Вечер открыла заместитель председателя Совета Министров Армянской ССР Л. Степанян. Доклад о творчестве Аксела Бакунца сделал первый секретарь правления Союза писателей Армении Э. Топчян.

ЕРЕВАН. (Наш корр.)

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ГОЛУБЫЕ СТРАНИЦЫ РАПОРТА»

ПОД ТАКИМ заголовком в «Литературной газете» 19 сентября был напечатан фельетон, в котором говорилось о попустительстве органов милиции гор. Ташкента по отношению к нарушителям правопорядка.

Как сообщил редакции исполняющий обязанности начальника главного управления милиции Министерства внутренних дел СССР тов. Б. Ворогушин, факты, о которых говорилось в фельетоне, полностью подтвердились. Фельетон опубликован на заседаниях коллегии МВД Узбекской ССР и бюро Ташкентского городского комитета партии.

Бюро городского комитета партии объявило строгий выговор начальнику управления милиции гор. Ташкента тов. Каландарову. За укрытие заявлений о краже в часовой мастерской начальнику бывшего 16-го отделения милиции гор. Ташкента тов. Юсупову объявлен выговор. В результате приняты дополнительные меры вместе с ранее арестованным за кражу Черноцевым разработаны и привлечены к уголовной ответственности все соучастники его шаек.

В фельетоне приводились факты необоснованного отказа милицейских работников в возбуждении уголовных дел по жалобам граждан. На виновных в такого рода безответственном отношении к своим обязанностям работников милиции тт. Карабаева и Зайдова наложены дисциплинарные взыскания.

Дежурный по городу тов. Войтенко за то, что он вовремя не реагировал на заявление подвергшейся ограблению гражданки К., также наказан в дисциплинарном порядке. Преступники, совершившие ограбление гражданки К., были разысканы и арестованы на следующий день после происшествия.

Упомянутый в фельетоне дебошир и хулиган Серебрянников осужден народным судом к одному году лишения свободы.

Принятые меры к коренному улучшению деятельности милиции гор. Ташкента.

РЕПЛИКИ ГДЕ МАЙОР?

СТЕХ ДАВНИХ ПОР, как я впервые увидел знаменитую картину П. Федотова «Сватовство майора», у меня сложилось твердое убеждение, что изобразительный художником переломом в художественном доме вызван именно сватовством майора, а не чем-либо иным.

Но век живи — век учишься, и с этой целью я приобрел недавно издательством Учебно-педагогическим издательством «Книгу для чтения по истории живописи, скульптуры, архитектуры». Взглянув на одну из репродукций в ней — репродукцию — ту самую, под которой стояла четкая подпись: П. Федотов. «Сватовство майора», я вдруг понял, что переломом в купеческом доме вызван не приходом майора, а, видимо, его... исчезновением. Да, да! Майор исчез! Пропал! Скрылся в неизвестном направлении!

И сразу картина представлялась мне в новом свете: невеста в отчаянии, и мать, хватаясь за обриве ее платья, пытается удержать дочь от бог весть какого опрометчивого шага! Хозяйка, длиннобородый купец, застывает сюртук, чтобы идти в полицию — заявить о розыске новоявленного Подколесина; хлопочут слухи и приживалки, убирая со стола; жалобно мяучит кошка на крыше, ибо кошки в комнате я тоже не обнаружил...

Что за навязчивое! — Быть может, — мелькнула у меня спасительная догадка, — Учпедгиз изобразил высшего педагогического целомудрия, убоился показывать школьникам жену в непосредственной близости от невесты?

В поисках истины (Учпедгиз мне друг, но истина дороже) я стал лихорадочно листать «Книгу для чтения» и нашел страницу, на которой даются подробное описание картины «Сватовство майора». Нет, здесь все на месте: и майор в дверях, и свата на пороге, и умывающаяся кошка. И опять взглянул на репродукцию — ни майора, ни кошки!

Где же все-таки майор? Растерянно листая «Книгу для чтения», и совсем умявшись, набрал в конце концов на приложенный к ней перечень иллюстраций, читая который никому и на ум не придет. Тем не менее я его прочел. «Сватовство майора», — упоминалось здесь, — репродукция с картины Федотова, а рядом было скромненько добавлено: «Деталь».

— Вот оно что! — отлегло у меня от сердца. — В книге воспроизведена не вся картина, как точно и определенно сказано под ней: «Деталь репродукции, а всего-навсего деталь этой картины. Оригинальный способ воспроизведения выдающихся полотен мастеров прошлого, избранный Учпедгизом, таит в себе бездну еще неиспользованных возможностей. Вероятно, в последующих изданиях «Книги для чтения», начатых, как нам стало известно, в 1960 году, появится суриковский «Мешиник в Березове» — без Мешиникова, «Петр и Алексей» Ге — без Петра (или Алексея), репинское «Не ждали» — без того, кого не ждали... Я. ЧИП

— Быть может, — мелькнула у меня спасительная догадка, — Учпедгиз изобразил высшего педагогического целомудрия, убоился показывать

ИМЕНЕМ СОЛДАТ

О РАССКАЗЕ
СЕРГЕЯ ВОРОНИНА
«В РОДНЫХ МЕСТАХ»

Певец Алтая

ПИСАТЕЛЬ
ПРЕДЛАГАЕТ

ЕСЛИ вы поднимаете с...

на один из этапов гостиницы «Москва», пройдите любительство и настойчивость, то среди картин, развешенных на стенах, вы можете быть, отыщите полотно, принадлежащееисти художника Гуркина.

Оно резко отличается от «гостиничной живописи», потому что его создатель — одареннейший мастер, на сотнях картин и тысячах рисунков запечатлел свой родной Горный Алтай во всем его неповторимом своеобразии и очаровании.

Судьба этого гуркинского творения сложилась счастливей, нежели судьбы других его полотен, но прежде чем рассказать об этом, надобно познакомиться с Григорием Ивановичем Гуркиным — художником, которого следует на наш взгляд, считать гордостью и славою тех, кто населяет Горный Алтай и Сибирь.

Где сейчас можно увидеть его живопись, его многочисленные пейзажи или рисунки пером? А ведь тончайшей техникой Гуркина, виртуозностью изобразительности, поэтичностью сюжетов и глубиной знания природы восхищались как русские, так и иностранные художники.

Бесплодно искать гуркинского творения в Москве или Ленинграде, в музеях, на выставках. Бесплодно искать их и на страницах наших иллюстрированных журналов, хотя они украсили бы любой их них. Нет их и в музее города Барнаула — центра Алтайского края.

Где же можно обнаружить большое и богатое наследие талантливого художника-реалиста?

Старший научный сотрудник Государственного музея этнографии народов СССР Петр Иванович Каралыкин, централь, поклонник и исследователь гуркинского творчества, рассказывал нам о том, как в последние годы прошлого столетия русский ученый, исследователь Алтая, композитор и этнограф А. В. Анохин обратил внимание на молодого алтайца, увлекавшегося живописью. Он привез его в Петербург, познакомил с Иваном Ивановичем Шишкиным, и тот с первого взгляда поверил в талант Гуркина, полюбил его, сделал своим учеником.

Беспорно, что Шишкин увидел в молодом алтайском самоучке будущего художника, который в какой-то мере продолжал его собственную, шишкинскую, живописную манеру. Знание природы, умение подсмотреть и передать в красках и линиях ее волшебные тайны, знание леса, смелый и сильный реализм изображения — все

Борис ЛИХАРЕВ

Академик Андре Мазон рассказывает...

В Москве гостит директор Института славистики в Париже, академик Французской академии наук и член Академии наук СССР, Андре Мазон. Нашего знакомия с этим московским коллегой с новыми работами славистов Франци, рассказал об изучении русской литературы у себя на родине, сообщил о готовящихся к изданию и опубликованных недавно в Париже работах, посвященных творчеству Чехова, Л. Толстого, А. Толстого, Маяковского, новых переводах русских и советских писателей.

ВЫСОКИЙ художественный человек прямо держит седую голову и, не переставая наблюдать за своими собеседниками, читает удивительные и незнакомые им тексты. То, что читает сейчас Андре Мазон, он назвал «красивым открытием наших дней». Эти рукописи Ивана Сергеевича Тургенева, никогда еще не издававшиеся, привезены академиком из Парижа. Он только что раскрыл перед нами папку, и на столе появились плотные листы, торопливо и густо исписанные наискосок. Нахлеб, без поправок! Или после долгих мук и исканий, много раз переписанные, они легли уже без поправок на этот чистый лист! Академик этого не знает. Не знает и те, кто хранит это несметное богатство — двести листов французского текста, двести рисунков, сделанных рукой великого русского писателя.

Академик Мазон читает нам два листа.

— Вслушайтесь, — призывает академик, — вы можете не знать языка, но не почувствовать, не увидеть силе тургеневских строк, не услышать их певучий, идущий из родников сердца, невозможно. Читая, он весь преображается — то переходит на медленный, вкрадчивый шепот, то на громкую скороговорку. Откладывая лист, Андре Мазон беспомощно разводит руками, подчеркивая свое преклонение перед необыкновенным мастерством.

— Мы могли бы назвать эти двести портретов и двести текстов к ним «историей современников Тургенева». Художник Тургенев дополняет в ней прозаик Тургенева. Рука тонкого рисовальщика раскрывает нам смешное, грубое, возмущенное и жалкое, красивое и отталкивающее. Автор хмурится, снисходительно улыбается, негодует. Все они, эти двести, не похожи один на другого. Мы слышим их шаги, до нас доносятся их голоса. Но меньше всего это иллюстрация, это скорее удивительный подтекст, щедрый и без недостатков.

— Как удалось найти эти тургеневские рукописи? — Немало еще неисследованного в разных архивах, неспубликованного, находящегося в частных коллекциях, — отвечает Андре Мазон. — Рукопись, которую я прочитал вам, хранится у частных лиц. Все то, что собрано за последние время во Франции от Тургенева, будет издано у нас в двух томах, в которые войдут не только рисунки и тексты к ним, но и неизданные письма писателя, записки, наброски, замыслы — все то, что мы назвали бы в наши дни записной книжкой. Они сделаны на французском языке, которым Тургенев владел так базукризенно просто, так беспредельно щедро и легко, что мы, французы, читая его, говорим: да ведь этот великий русский прозаик был еще и французским писателем, неузнаваемым и настоящим волшебником слова, силе которого и красоте мы никогда не перестаем удивляться.

В его лирических стихах и произведенных предреволюционной поры, полных предчувствия грядущих бурь, и в стихах первых лет Октября, призывавших к защите революции, прочитанных А. Вергелисом на еврейском языке и Л. Озеровым в русском переводе, выразилась основная сущность Ошера Шварцмана — поэта-лирика и отважного бойца знаменитой дивизии Шорса. С воспоминаниями и чтением стихов, посвященных Шварцману, выступили Н. Ойслендер, Я. Штернберг, М. Тейф, М. Грубин и М. Светлов.

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А № 132 27 октября 1959 г. 8

ЭТО было пятнадцать лет назад, в августе 1944 года, в дни Иско-Калининской операции, которая привела к освобождению Румынии от власти гитлеровцев. Как военный корреспондент, я сопровождал во время наступления один из наших батальонов.

Рано утром шел сильный бой за какую-то румынскую деревню. Военная часть противника, оборонявшая эту деревню, была разгромлена. Батальон захватил в плен около полусотни румынских солдат Антонеску и десятка два гитлеровцев. Пленных собрали на окраине деревни у домика, где помещался штаб батальона.

И тут стало известно, что Румыния свергла фашистскую диктатуру Антонеску и, разорвав навязанный ей Гитлером союз, объявила войну Германии. Эту весть сообщили пленным румынам. Подбрасывая вверх пилотки, они восторженно закричали «ура!» и кинулись обнимать наших солдат. А потом веселой, возбужденной толпой они, теперь уже наши союзники, свободно, без конвоиров, правились в штаб дивизии, чтобы отсюда разойтись по домам. Вслед за ними под охраной автоматчиков понуро побрели в тыл пленные гитлеровцы.

Только трое пленных остались на месте. Прислонившись спиной к стене дома, опустив головы, они по временам бросали исподлобья по сторонам быстрые взгляды, в которых сквозил непопулярный страх. А вокруг них плотной толпой, усталые и заплаканные, стояли в мрачном молчании наши солдаты, хмуро и недобро рассматривая в упор этих людей.

Одетые в ненавистные нам тускло-зеленые френчи гитлеровцев, трое пленных тем не менее говорили на чистом русском языке. Это были «власовцы», верные привокиты фашистов, солдаты так называемой «русской освободительной армии» (РОА), банды, сформированной генерал-предателем Власовым из изменников Родины для борьбы против советских войск. В сегодняшнем бою участвовала целая группа «власовцев», и сражались они с яростью отчаяния, буквально до последнего патрона.

Из штаба вышел командир — высокий, еще молодой, но уже седой капитан, на груди у которого пестрел добрый десяток орденов и медалей, и, наверно, столько же нашлось за ранения. Солдаты толпой хлынули к нему и, тесно обступив, принялись что-то горячо доказывать, прося его о чем-то. Я видел, как капитан поверг голову в сторону захваченных предателей и лицо его стало жестким и холодным. Он коротко кивнул и снова ушел в дом. Пять минут спустя трое «власовцев» отделись поодаль — в кукурузное поле и расстрелялись.

И у всех нас, у солдат и офицеров, присутствовавших при этом, лица были суровыми и беспощадными, и в сердцах наших не было жалости. Этим людям, предавшим и пролившим врагу свою мать-Родину, обгадившим руки кровью своих братьев, не было места на празднике нашей победы, не было места на земле, оживающей после фашистских ужасов. Народное возмездие было справедливым.

Добр и незлопамятен наш народ. Широко и великодушно его сердце. Всегда находил и находил у него сочувствие и помощь обездоленным и угнетенные люди. А сколько раз за свою многовековую историю русский народ, повергнув в тяжелую борьбу нававшего на него врага, тут же добродушно и незлобно протирал ему свою сильную руку, помогая встать на ноги. Разве не русский солдат делил

в сорок пятый год своей последний кусок хлеба со стариками, детьми и женщинами в городах и деревнях Германии? Разве не русский солдат кидался, рискуя жизнью, в огонь, чтобы спасти детей, отцы которых расстреливали или сажали живьем его детей в русских, украинских, белорусских селах? Недаром величественная статуя в берлинском Трептов-парке воплотила именно это сочетание спокойной силы и благородно-доброго великодушия, столь характерных для нашего народа.

Но одного никогда и никому не прощал наш народ — предательства, измены Родины. Клеймо предателя всегда было для нас самым презренным и несмысленным, и в годы войны не существовало для нас более заклятого врага, чем изменник Родины. Помните, с какой потрясающей силой показал эту возмущенную неприимность народа к предательству наш бессмертный Гоголь в образе Тараса Бульбы, отца, который недрогнувшей рукой убивает изменника-сына. Подумайте о том, сколько презрения и народной ненависти вместили в себя ставшие нарицательными имена провокаторов и предателей дела революции Азефа и Малиновского. И так же хлестко, как пощечина подлую, доносно звучит в ушах участников Отечественной войны слово «власовец».

Да, мы знаем, что среди «власовцев» встречались люди со сложными, порой трагическими судьбами, вина которых перед Родиной была не столь тяжкой. Одни из них надели фашистский мундир только для того, чтобы обмануть врага, скорее вырваться из плена, и иные успешно осуществляли свой замысел, перейдя на сторону советских войск или бежав к партизанам. Другие записались в «армию» Власова по слабости, но выдерживая издевательства и пытки голодом в гитлеровских лагерях. Но мы знаем, что в своем подавляющем большинстве «власовцы» становились ярыми врагами нашего строя, нашего государства, вырвали, лишены чести и совести моральные отбросы общества, которые с ослепленным обреченным дрались на фронте, а в тылу, чтобы заслужить доверие своих фашистских хозяев, лезли вон из кожи, стараясь превзойти асаовцев и гестаповцев в зверских расправах и издевательствах над мирными людьми или беззащитными военнопленными.

Пятнадцать лет назад кончилась историческая война, навязанная нам гитлеровским фашизмом, но до сих пор горят на телах и на душах людей рубцы ее ран, хоть и много воды утекло за это время. Уже давно понес заслуженную кару изменник-генерал, и кровью его смыто пятно с хорошей распространенной русской фамилии Власовых. Разделил его судьбу и кое-кто из его верных сообщников.

Многие «власовцы» бежали в свое время на Запад и попали в число так называемых «перемещенных лиц». Среди них тоже есть разные люди. Самые отъявленные бандиты, совершившие страшные преступления против народа, составляли сейчас ту мусорную кучу, из которой враги мира и социализма черпают кадры шпионов и диверсантов для засылки в нашу страну. Другие, менее виновные и искренне раскаявшиеся, пользуются амнистией, объявленной Советским правительством, возвратились или возвращаются на Родину. Им помогают устроиться на работу, получить жилье, и они из бездомных бродяг по чужим странам снова превращаются в полноправных советских граждан.

Большинство же «власовцев», полчища и других бывших пособников врага, оставшихся в Советском Союзе и отбыв положенное наказание или попав под амнистию, в последние годы вернулись домой. Они живут среди нас, на в чем не ущемленные, — трудятся, учатся, отдыхают, растят детей. Они даже получают или будут получать по достижении определенного возраста пенсии от государства. Ну что ж, пусть так! Они сударства. Ну что ж, пусть так! Они сударства. Ну что ж, пусть так! Они сударства.

Но это вовсе не значит, что «за давностью времени» мы внутренне простили предателям, забыли об измене или пересмотрели свою оценку «власовщины». И только гнев, возмущение и резкий протест может вызвать у нас, участников войны, попытка говорить во всеулышное в слащавом тоне христианского всепрощения о судьбе оставшегося не разоблаченным пособника врага, попытка распустить sentimentальные слюны вокруг «перешивши» «власовца», скрывшего от всех свои преступления перед Родиной.

Как ни странно, такая попытка сделана в нашей литературе. Этой попыткой является напечатанный в девятой (сентябрьской) книжке журнала «Имена» рассказ «В родных местах», принадлежащий перу главного редактора этого журнала, ленинградского писателя Сергея Воронина.

Рассказ невелик — всего семь журнальных страниц, он весьма зауряден по своим литературным качествам, и сюжет его

довольно незатейлив. Бывший солдат, ивзавид войны Иван Касимов, тяжело контуженный на фронте, испытывавший ужасы фашистского плена и потерявший в военные годы почти все близких людей, спустя много лет (судя по всему, уже в наши дни) едет провести отпуск в родную деревню. Там он неожиданно встречает своего односельчанина, друга детства Василия Никитина и вспоминает, что в последний раз видел его, когда шел по Крещатику в Киев в составе колонны военнопленных, которых гитлеровцы гнали в лагерь. Тогда Василий «был в конвое, в немецкой форме», «с автоматом наперевес, с засученными по локоть рукавами».

Выясняется, что Василий, «как война кончилась, так и записался» в деревню, скрыв от всех свою службу у врага. И Иван Касимов, никому не говоря о том, что знает, наедине встречается со своим бывшим школьным товарищем, а позднее конвоиром. Как и следовало ожидать, Никитин, узнав Ивана, меняется в лице, у него перехватывает голос, и он «засуматошится». Отвечая на резкие вопросы Касимова, он рассказывает, что попал в плен, был в Освенциме и «не устоял», пошел служить к фашистам. «Жить хотелось, Иван! Все мечтал: домой вернуться», — говорит он и объясняет, что впоследствии ушел от немцев к партизанам и даже заслужил медаль. После войны он, мол, честно трудится, но совесть неостановленно жлодет его.

— Ну а как же ты по документам следы своего замеса? — уме не так сурово спросил Иван.

— Скачал, что бежал с лагеря. Тогда много таких было. (Подчеркнуто всюду мной. — С. С.)

«Молчал Василий, Ни слова не говорил и Иван. Он знал, чего от него ждет этот замученный своей виной и совестью человек. Ждет, чтобы он простил его. Ведь росли вместе... Не тайлся друг от друга... И сейчас он открылся...»

Так повязывается в рассказе какая-то нарочитая нотка слезливой жалости в отношении к предателю Родины, корющаяся, как скрежет железа по стеклу. И чем дальше, тем громче звучит эта нота, постепенно превращаясь в лейтмотив всего произведения. Вот Василий вдруг цитирует строчку стихотворения.

— Что это? — силась вспомнить давно слышанные слова, спросил Иван. — А в школе-то учили. Помнишь? — всерь как-то поветел, ответил Василий. — Я купил себе косу новую. Отбью ее, наточу ее...

И Иван вспомнил. Из какого-то далекого далека до него донесся звонкий, захлебывающийся от восторга голос Васютки Никитина. Припомнилось и то, что Васютка всегда легко и радостно заучивал стихи. И чувствуя, как слеза закатывает на сердце, Иван, сдвинув брови, глухо сказал: — Не надо.

Василий робко мигнул и замолчал. Что ж на это можно сказать автору? Палачи Майланака и Освенцима, даже Лигиты или Гиммлер тоже когда-то были детьми, аккуратами, благополучными мальчишками и, вероятно, читали под рождественской елкой sentimentальные детские стишки, вызывая слезы улыбки у своих родителей. Это не помешало им, сделавшись взрослыми, меч в печах детей, женщин и стариков и варить мыло из человеческого жира.

И вот финал этой встречи бывших друзей и бывших врагов. — Ну что ж, — в раздумье оглядывая костистое лицо Василия, сказал Иван. — Прощай! — И, опустив голову, пошел к деревне.

Захотел бы я вам! — доносится до него зашумевший, с виноватной ноткой. Но Иван не обернулся, только махнул по-за спиной рукой.

Уже поздно, поднявшись на взгорбок, оглянулся. И замер. Перед ним всюду, насколько хватал глаз, лежала прекрасная в своей умротворенности земля, в зелени, в солнце, с синей водой, с задухившим лесом, с петляющей среди полей бесконечной дорогой. И по этой дороге, опустив поводья, ссутулив спину, медленно ехал на коне Василий.

— Нет уж, что уж там... — думал Иван, иди к дому. — Не сладко ему. Каждый день казнится. Куда больше такого наказания... До последнего часа своего будет мучиться, хотя бы и открылся... А какое ребята будет. Узнают, какой батька... беда!

Тут и роскошная «умротворенная» природа, внимающая равнодушно добру и злу, и евангельские-толстовские «Мне отпущение, и аз водам!», а по существу прощенья о судьбе оставшегося не разоблаченным пособника врага, попытка распустить sentimentальные слюны вокруг «перешивши» «власовца», скрывшего от всех свои преступления перед Родиной.

НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Вчера вечером выездная редакция «Литературной газеты» снова отправилась в деловой путь. На этот раз ее маршрут пролегал по Восточной Сибири и Дальнему Востоку.

В новом составе бригады — прозаики, поэты и журналисты Москвы, Ленинграда, Украины, Латвии: А. Величко (руководитель коллектива), В. Агранский, Ю. Панкратов, М. Перхогов, Н. Полякова, Ю. Рытов, Я. Судрабалки, И. Френкель, И. Харбаров, М. Шургин и фотокорреспондент В. Горшков.

Первый пункт, где побывают литераторы, — столица Бурятской АССР Улан-Удэ. Оттуда они отправятся в Читу, затем в Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. Через месяц в Хабаровске этот состав выездной редакции будет сменен другим, который направится к труженикам Приморского края.

А потом... Потом, сидя в кино, Иван с тем же чувством вспоминает о Василии. «А чего ж это Василия-то нет? — вчитываясь в надписи, подумал Иван. — Поди-ка, расстроился, а может, занят». И все время, пока смотрел картину, думы о нем не выходили из головы.

И, наконец, последний аккорд — Иван, возвращаясь домой, едет от села к станции. Вокруг опять тишина и «умиротворенность» природы, прохлада, пенные птицы.

«Иван Касимов шел лесом, поглядывая по сторонам и думал о Василии. Встреча с ним было самое сильное, что взволновало его в родных местах. Вспомнил его пенельно-серые потрескавшиеся губы, поблеклые, истрадавшиеся глаза.

«Да, — думал он, — вот уже сколько лет прошло, как кончилась война, а в жизни все еще продолжается. И нет примирения мне с Василием. И жалко его. И чужой он мне...»

И хотя здесь появились слова «нет примирения» и «чужой», их робкий шепот не в силах пробиться сквозь более звучные «пенельно-серые потрескавшиеся губы, поблеклые, истрадавшиеся глаза», и та же причитающая-жалостливая нота завершает собою рассказ.

Попробуем вглядеться несколько пристальнее в фигуру Василия. Может быть, он и в самом деле третьестепенный «власовец», вина которого только в слабодушии, а не в активном пособничестве врагу? Нет, к сожалению, дело обстоит не так, и это нетрудно доказать.

Василий, состоя на службе у гитлеровцев, конвоировал пленных. Спросите любого из тех сотен тысяч наших людей, которым посчастливилось вернуться из этого страшного плена, кто и как конвоировал их по дороге в лагерь? Или лучше посмотрите драматическую картину этого шествия в фильме «Судьба человека», поставленном по замечательному рассказу Михаила Шолохова, рассказу, в котором так глубоко вскрыта трагическая судьба подлинно русского, истинно советского человека, а не ложно многозначительная судьба предателя Родины.

Мы знаем, что пленных, как правило, конвоировали отборные фашистские молодчики — солдаты СС из дивизии «Мертвая голова» с черепами на рукавах, солдаты СД, полевой жандармерии, гестаповцы или охранявшие батальоны. А уж если конвоирование доверялось лицам русской или украинской национальности, то это обычно были отпетые бандиты, кувальщики в крови советских людей, доказавшие свою полную преданность гитлеровскому району. Общеизвестно, как беспредельно жестоки были эти конвоиры, как безжалостно приставляли они обезбленных, раненых, отстающих от колонны, как за малейшее нарушение правил шли очередями в гущу беззащитной толпы пленных, так что недаром этот путь в лагерь называли «дорогой смерти».

Судя по всему, Василий Никитин был одним из таких «конвоиров». Во всяком случае, автор ни одним словом не дает оснований думать, что он отличался от них. А то, что он скрыл от всех пособничество врагу, не нашел в себе мужества признаться в своем преступлении и понести должное наказание, тем более внушает подозрение в его тяжелой вине.

Странно, что, по воле автора, эти мысли не появляются у бывшего фронтовика и военнопленного Ивана Касимова, который считает лучшим, сильнейшим наказанием для врага — его собственную совесть.

Спросят — к чему писать большую статью по поводу маленького рассказа? Но разве маленькая пуля порой не убивает большого человека? А Сергей Воронин, видимо, сам того не желая, выпустил этим рассказом пулю, направленную против одного из самых святых и непреложных принципов нашей партии, нашего народа — против стойкости в борьбе с врагами, против неприимности ко всякой подлости и предательству к высшему проявлению подлости — к измене Родине, к предательству нашего благородного дела, дела коммунизма.

Плохой, вредный рассказ написан и напечатан в руководимом им журнале писатель Сергей Воронин! Я беру на себя смелость сказать по-солдатски прямо, в лицо солдату по перу эти резкие и горькие слова, сказать не только от своего имени, но именем миллионов солдат — бывших фронтовиков, носящих на теле рубцы от гитлеровских и «власовских» пуль, бывших пленных, вытерпевших все муки лагерей, но не надевших на свои плечи ненавистного мундира фашистов, и, наконец, именем матерей, вдов и сирот, чьи близкие не вернулись с войны и священная скорбь которых была бы грубо оскорблена попыткой морально реабилитировать предателя народа, изменника Родины.

ОХ, УЖ ЭТИ ЧИТАТЕЛИ...

«ЖИЛ И РАБОТАЛ...»

НЕДАВНО у нас в Уфе отмечали 100-летие со дня смерти С. Т. Аксакова. По этому случаю создали специальную высокоавторитетную комиссию. На стену дома, где родился писатель, воздвигли мемориальную доску.

В этом доме в 1791—1859 годах жил и работал русский писатель С. Т. Аксаков. Итан, в этом деревенском доме всю свою долгую жизнь прожил наш замечательный земляк. Здесь были написаны «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». В этих стенах было создано...

Впрочем, как же так? Ведь всякому человеку, имеющему элементарное представление о биографии С. Т. Аксакова, известно, что он уехал из Уфы в 1799 году, восьмилетним мальчиком, то есть прожил в этом доме на 60 лет меньше, чем полагают высокоавторитетная комиссия!

Вот и висит на аксаковском доме мемориальная доска, увековечивая неизвестно кем созданный...

Уфа Краевед П. ИЩЕРИНОВ

Может быть, взять и тут!..

Самый поэтический день... «Хорошие и разные» поэты встретились 25 октября в москвичи. Здесь были Николай Рыленов и Евгений Евтушенко, Алим Кешоков и Борис Слуцкий, Ярослав Смеляков

и Михаил Келиндрез... Каждый любитель поэзии мог услышать то, что он хотел, мог высказать свое мнение. Они пришли на встречу с Сергеем Васильевым, другие — с Леонидом Мартыновым. Самое главное — что на празднике поэзии не было (или почти не было) недовольных лиц. Фото А. Князев, М. Трахмана, И. Филиппова.

Французы ждут Н. С. Хрущева

МОЖНО без преувеличения сказать, что Франция в эти дни живет мыслью о предстоящем визите Н. С. Хрущева. С тех пор, как стало известно, что глава Советского правительства согласился посетить Францию, печать различных политических направлений, радио и телевидение уделяют этому событию огромное внимание. Французская общественность единодушна в своем одобрении встречи Н. С. Хрущева с де Голлем.

Уже само по себе сообщение о предстоящем визите внесло успокоение в сердца людей, ослабило ощущение напряженности, которое испытывали французы. Прогрессивные круги Франции были встревожены сдержанностью французской дипломатии в важнейшем вопросе о переговорах на высоком уровне. Позиция Франции, не давшая ясного ответа по этому поводу, вызвала критику и во Франции, и за ее пределами.

Приглашение Н. С. Хрущева во Францию, стремление осуществить франко-советские контакты на высоком уровне расцениваются в стране как победа разумных сил и желание помочь разрядке международной напряженности.

«Этот новый успех мира и новое отступление от политики «холодной войны», — пишет «Юманите». — Это доказывает, что великое течение ослабления напряженности отныне стало слишком мощным, чтобы его можно было остановить. Конечно, путь укрепления франко-советских отношений, мирного сотрудничества, всеобщего разоружения по-прежнему долг и труден. Сообщение о предстоящем визите отнюдь не означает, что борьба за мир уже увенчалась победой. Оно свидетельствует только о том, что эта борьба является действительной, что в наше время война не является неотвратимым бедствием». Газета «Орор» считает предстоящую встречу «дипломатическим успехом президента де Голля». «Комба» полагает, что де Голль надеется осуществить путем откровенного объяснения с Хрущевым ослабление международной напряженности.

Французская печать отмечает, что в Вашингтоне и Лондоне одобрительно отнеслись к приглашению Н. С. Хрущева во Францию. «Фигаро» помещает это сообщение под заголовком: «Вашингтон: никаких возражений против франко-советской встречи на высоком уровне».

В эти дни на улицах, в кафе, в клубах, на фабриках и заводах Франции горячо обсуждают международные проблемы. Простые люди Франции выражают удовлетворение тем, что глава правительства великой державы, чей авторитет растет изо дня в день, посетит их страну. Они справедливо считают, что активное участие в смягчении международной напряженности, укреплении контактов и дружеских отношений с Советским Союзом помогут поднять престиж Франции на мировой арене, скорее вернуть ей положение ведущей державы, нежели участие в гонимых ядерных вооружениях.

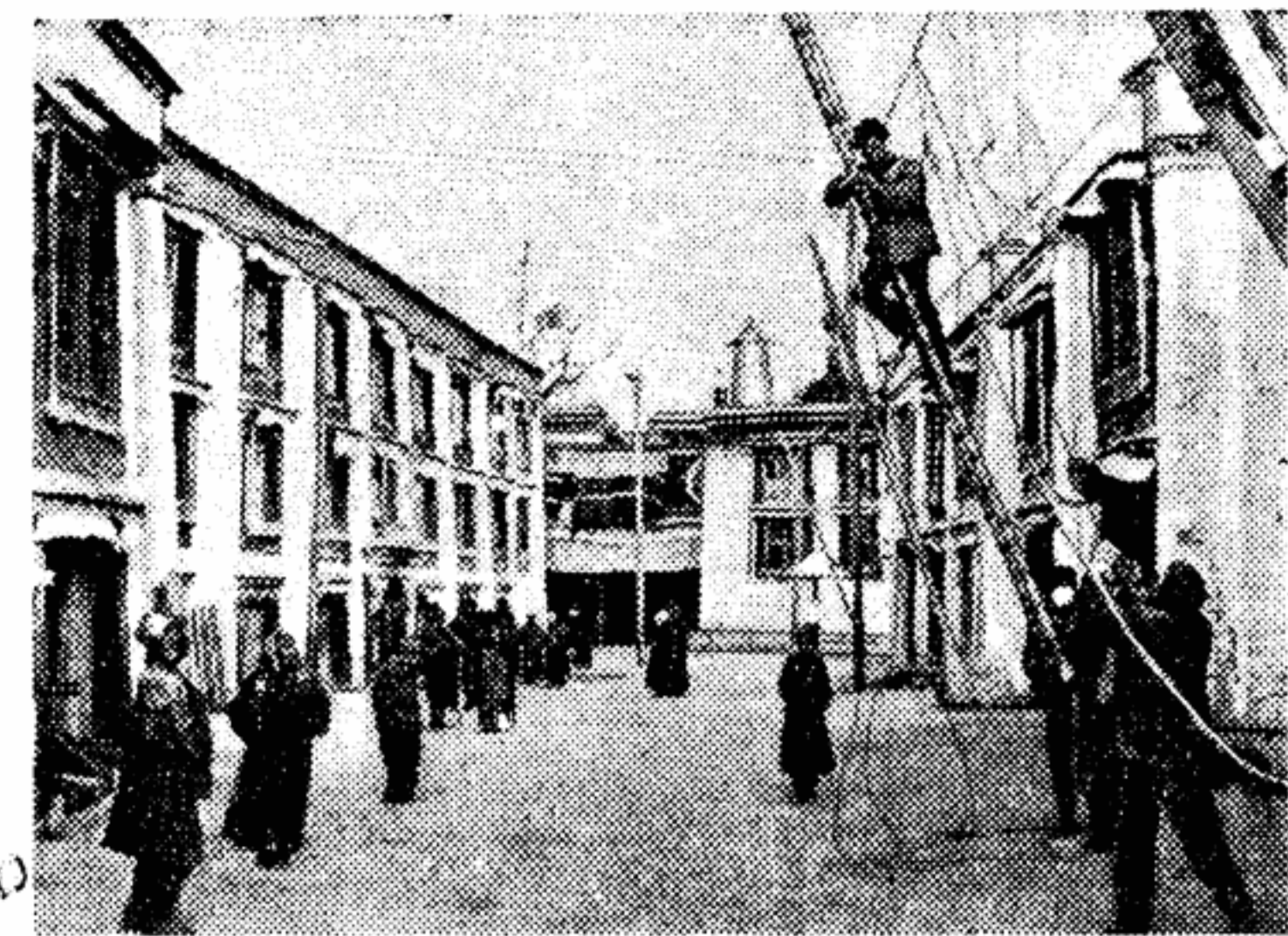
Нескрываемое замешательство и недоумение вызвало известие о франко-советских контактах среди тех, кто не заинтересован в откате от «холодной войны». Знаменитый журналист-политический редактор «Парламентарии-политишер пресидиент» пишет, что «поездка Хрущева в Париж расценивается в кругах иностранных дипломатов и в немецких политических кругах, как один из самых сильных внешнеполитических ударов для федерального канцлера».

И, конечно, в самой Франции и за ее пределами миллионы людей верят и надеются, что совещание великих держав на высшем уровне будет создано в ближайшее время. В мире создана самая благоприятная обстановка для разрешения спорных вопросов путем переговоров, для ликвидации очагов напряженности. Поездка Н. С. Хрущева в США, советские предложения по всеобщему контролю разоружению, общая атмосфера дадут основание для самых светлых надежд.

«Джентльмены на Западе, ваш ход!» — так образно охарактеризовал один из иностранных обозревателей задачу западных дипломатов теперь, когда инициатива проявлена Советским Союзом.

«Французы ждут Н. С. Хрущева и связывают с его встречей с главой французского государства большие надежды».

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС»?

На улицах Лхасы идет подвеска проводов.

На народном празднике близ Лхасы.

«ПОЛОЖЕНИЕ в Тибете», как его изобразил кое-кто в ООН, не имеет ничего общего с действительностью. Сам факт постановки «вопроса о Тибете» — наглядное проявление всей той же «холодной войны».

Недавно двенадцати журналистам из одиннадцати стран, в том числе и мне, предоставили возможность посетить Тибет, ознакомиться с его жизнью. Целый месяц ездили мы по обширной тибетской земле, разговаривали с крестьянами, помещиками, ламами, «живыми буддами», служащими.

О том, что мы увидели, я и хочу рассказать.

Достичь Тибета нелегко даже на самолете — летели мы на высоте 6 500 м. Пришлось пользоваться кислородными масками. Путь от аэропорта до Лхасы, равный 200 км, занял еще пять часов. Прежние местные власти не желали в свое время выделить участка для аэропорта ближе к городу. Центральное народное правительство Китая приняло тогда это беспрецедентное требование. Мы узнали также, что реакционная верхушка Тибета чинила множество и других препятствий. Так, например, ставились всеческие препоны поискам полезных ископаемых. Посевное зерно, выданное Центральным правительством крестьянам, нередко захватывали феодалы. Фе-

оды не разрешали детям крепостных посещать школы.

Восьмь лет Пекин мирился с этим саботажем реакционной верхушки Тибета, укреплял дружеские отношения с тибетским народом. Вот почему, когда в Лхасе разразился мятеж, население в огромном своем большинстве поддержало Центральное народное правительство Китая.

Повсюду убеждались мы, что народ Тибета получает, наконец, подлинное освобождение. Никогда еще не видела я таких радостных лиц. И все, что прежде бывало в Тибете, говорили: это нечто новое.

Когда мы въезжали в Лхасу, лучи заходящего солнца освещали дворец Пotala. Весь он переливался красными, белыми и золотыми красками. Навстречу двигалась большая группа рабочих. Веселыми криками они приветствовали нас.

Кроме говоря, «угнетенные тибетцы» были, по-видимому, довольны. Это впечатление усиливалось с каждой неделей, особенно когда мы побывали в земледельческих районах. Это и понятно: бывшие крепостные, наконец, почувствовали себя свободными людьми, хозяевами своего зерна, своей земли.

В деревне неподалеку от Лхасы один

крестьянин говорил мне, что в этом году урожай вдвое больше прошлогоднего, ибо сразу же после подавления мятежа, зная, что зерно будет принадлежать им, крестьянам. Работали лучше, чем прежде, лучше удобрили и орошали землю. Раньше это было невозможно, почти все время отнимала барщина. Нынешний урожай повсюду в Тибете хороший и потому, что на помощь крестьянам прибыли добровольцы из Лхасы, из Народно-освободительной армии Китая.

Все это стало возможным после ликвидации мятежа, того самого мятежа, который западная пресса выдала за восстановление тибетского народа против Китая и «зверски» якобы погубившего сотнями тысяч солдат, «пригнанных» из Пекина. Тибетцы протестуют против такого изображения событий. Мятеж был организован крупными феодалами и правителями больших монастырей. Вооруженные силы мятежников составляли всего 20 тысяч человек, из них 7 тысяч находились в Лхасе. Силы Народно-освободительной армии Китая не превышали и пяти тысяч человек.

Так как западная пресса утверждает, что бои в Тибете были чрезвычайно кровавыми, следует сказать, что в Лхасе из семи тысяч мятежников пять тысяч взяты в плен или сдались сами, а 1 400 разбежались по домам. У мятежников отсутствовала всякая дисциплина, значительная их часть вообще не хотела сражаться. С остальными помогло справиться само население Лхасы.

Приход к власти нового местного правительства открыл путь реформам. В то время как правительство, временно возглавляемое ланчен-эртин, вводило законы, упразднявшие крепостное право, предоставлявшие ламам «свободу личности», новые тибетские кадры направлялись в различные районы Тибета. Нужно было научить бывших крепостных не бояться своих прежних хозяев.

Я присутствовала на двух обвинительных собраниях, с помощью которых осуществляется эта работа. Во дворе помещицкой усадьбы неподалеку от Лхасы собралось 800 бывших крепостных. Они пришли, чтобы предьявить обвинения некоему Лхалу, их бывшему владельцу и одному из главарей мятежа. Люди напоминали Лхалу о его зверствах, об

убийстве многих крепостных. То был па суд, а собрание, цель которого — помочь бывшим крепостным почувствовать, что теперь они сами хозяева, что им больше не опасен бывший господин.

Подобные собрания проводились также в монастырях. Мы посетили самый большой монастырь Тибета, владевший 185 поместьями, 25 000 крепостных крестьян и 16 000 крепостных скотоводов. Этому монастырю принадлежала ведущая роль в организации мятежа — он послал в ряды мятежников 3 050 лам.

Все это выяснилось на собрании, где 2 000 лам обвинили «живого Будду». Не было произнесено ни одного слова против религии. Но вот данного «живого Будду» обвинили в том, что он обманщик: «Ты дал правителям взятку, чтобы назывались «живым Буддой!» Ты заставил лам идти сражаться, хотя это идет вразрез с законами Будды. Сознания, что ты обманщик, фальшивый «живой Будда», и раскаялся...»

Я не знаю, сознался ли он в конце концов, да это и неважно. Низшие ламы поняли, что имеют моральное право судить «живых Будд», и они осуществили это право.

Теперь низшие ламы превозносят «новую свободу религии», то есть обретение ими право уйти из монастыря, не опасаясь быть пойманными и подвергнутыми пыткам. Они получили возможность вернуться домой, жениться. Очень многие ламы так и намереваются поступить, а их такое множество, что приходится сдерживать этот процесс, иначе Тибет окажется наводненным ламами, требующими себе жилья в деревнях...

Разумеется, многие молодые ламы со временем откажутся от своего духовного звания и станут обычными гражданами.

Естественно, что подобные перемены не везде происходят сразу. И ни разу я не слышала, чтобы где-либо закрыли или разрушили монастырь.

Что касается крепостных, то их освобождение проводится постепенно, шаг за шагом, — нельзя освободить одновременно миллион человек с тем, чтобы они странствовали по дорогам. Следует как-то сохранить их связь с местами, где они живут, с полями, которые обрабатывают.

Десятую часть процентов народа Тибета почувствовали себя, наконец, свободными. Распространяемые на Западе рассказы о репрессиях — сплошная ложь... И, пожалуй, самая бесстыдная ложь — это басня о геноциде. Геноцид в Тибете действительно существовал в последние семь веков. В результате рабства народ медленно вымирал. Умирали дети, появлялись на свет в грязных хлевках, а значительная часть мужского населения становилась ламами и не несла ответственности за свое потомство.

Теперь этому долговому геноциду пришел конец, и пришел вместе с подавлением мятежа. Дети не будут больше рождаться в конюшнях. Молодые ламы женятся, обзаводятся семьями.

Никто больше не сможет помешать народу Тибета создавать счастливую цветущую жизнь на Крыше мира.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Тяжкая вина профессора Борга

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

КАЖЕТСЯ, город вымер. Пустынные тротуары и мостовая, залитые не то солнцем, не то ярким лунным светом. Профессор мелинды Исаак Борг сидит на циферблате уличных часов, и ужас леденит его мозг. Часы тоже мертвы — они без стрелок. Жизнь остановилась. Тишина...

Но вот из-за угла выходит прохожий в темной, немного старомодной одежде. Странное лицо: немолодое, распычатое, словно это и не лицо вовсе, а большая, вяло собранный кулак. Борг прикасается к прохожему, тот падает на тротуар, и нет человека, только на асфальте темнеет мокрый след. Затем на улицу въезжает катафалк. Заднее колесо, ударившись о металлический столб, отлетает, гроб валится с перекошенными катафалка, и когда Борг наклоняется над гробом, он видит в глазетовом нибме самого себя. Мертвый профессор Борг цепко хватается живого за руку и тянет, тянет к себе.

Долго путь до Луны. По пути случаются всякие: некоторые время в машине профессора едет семейная чета — истерическая пара автомобилистов, потерпевшая дорожную аварию. А на заднем сиденье расположилась молодая блондинка, едущая налево в Италию, и два студента — ее интимные друзья и провожатые.

Они едут в чужой машине по обычаю «автостопа» и уже поэтому не могут быть отнесены к сословию «раггаров» («автостопане»), о которых в последнее время много говорят и пишут в Швеции.

Ито же такие «раггары», рыцари кланов, носящих столь романтические названия: «Дорожные дьяволы», «Автоангелы», «Святые»... Это молодежь в основном не старше двадцати лет. Молодой человек в 17—18 лет начинает работать и зарабатывать. На новый автомобиль денег не хватает, машина стоит довольно дорого, даже малолитражный «Фиат» или «Фольксваген». И он покупает старый автомобиль. Постепенно это стало «эстетическим принципом» — чем старше модель, тем лучше.

ла кулаки в карманах наркотикуно узких брюк и заметила на ходу, что «кошачьи лапки», конечно, длинные и высокие, но мы, дескать, и не такое видели...

«Что же такого они видели в жизни? ...Сотни «раггаров» съехались по какому-то поводу нынешним летом в окрестности городка Кристинстад. Расположились на лоне природы, в так называемых «кэмпях» — палаточных городках. Потом началось массовое пьянство. Кое-кто из подруг «раггаров» стал развлекать по зазерню в чем мать родила. Перебившиеся хулиганы опустошили поистине до скотского состояния. Ученный им дебош принял такие масштабы, что малочисленная полиция Кристинстада вызвала подкрепления из соседних городов. Началась свалка, в ход были пущены бутылки, палки, полицейские палаша. «Раггары» подожгли и опрокинули уборную, из которой едва удалось вытащить получившую тяжелые ожоги женщину.

«РАГГАРЫ» винят взрослых, и они правы. Зайдите во двор новой шведской школы, построенной умно, щедро, с исключительной заботой о физической гигиене детей. Вот прозвенел звонок, и сотни учеников заполнили двор. У каждого второго ребенка в руках пачка цветных фотографий, напоминающая миниатюрную колоду карт. Оказывается, это фотографии кинозвезд. Однотипные пошловатые снимки. Лица в трафаретном улыбочном оскле. Выржит Бардо в шортах. Она же с голыми, вострым затылком, животом. Под снимками — серия и номер. Снимков сотни и сотни, стоят они дешево.

ПРОФЕССОР Борг удивился бы, узнав, что такое возможно в современной Швеции. Будь он реально существующим человеком, он даже обиделся бы, что по прихоти журналиста, в рассказ о его жизни влетело такое препадокное происшествие.

«И пятьдесят лет честно врачевал. Не думал, сказал он с благодарным недоумением. — Я прослышал для того, чтобы делать свое маленькое дело, я лечил и лечил, я полвека помогал людям, и вот сегодня в Лунде меня жнут за это награды и почести. Я не виноват в том, что тысячи юнцов дошли до такого позора!»

Меня интересовал бы шведов, их жилье, удобства, весь домашний обиход. Шведы охотно показывают свои квартиры, проявляя доброе гостеприимство и общительность. В квартирах много света, видна забота об уюте, о здоровье людей. Но как обидно видеть в этих квартирах скудные и однотипные библиотеки школьника! На скромной полочке вы найдете учебники, томик детской энциклопедии и, непременно, батарею комиксов. Яркие цветные обложки, часто с сексуальными мотивами, цены умеренные, хотя все другие книги в Швеции очень дорогие.

Но Марианна, грустная невестка профессора, знает другое: Борг виноват. Философия «малых дел», общественное равнодушие — великий грех и великая вина. И грех этот в мире чистоты растет пропорционально росту материальной благосостояния и технической оснащенности нации.

Кое-кто из шведов, с которыми мне приходилось беседовать, говорил: «Да, горько видеть порнографию на улицах родного города. Но, право же, ее не бурт. Вы видели, чтобы эти журналисты, раскулачили?»... Навыки самообмана! Однако главный аргумент другой: нельзя ограничивать личную свободу человека. Мы не можем запретить продажу порнографии. Не можем издавать законы, которые связывали бы «свободу личности».

ЭТО понимают многие шведы. Они встревожены. Они пытаются врачевать порок, предлагают, подобно профессору Боргу, успокаивающие лекарства, но мало кто находит в себе мужество посмотреть в глаза правде. «Сравнительно относительно бедных индонезийцев — писал популярный шведский писатель Эрик Лундквист, много лет живший в Индонезии, — с более чем обеспеченными шведами, я должен сказать, что... индонезийцы есть идеальны... У шведов сейчас только такие «идеалы» иметь еще больше еще, еще больше быстроехонные автомобили, еще больше радиоприемники и т. д. Такие «идеалы» не могут поддерживать внутри нас горение, которым мы охвачены, когда чувствуем подлинный смысл жизни».

ИнГМАР БЕРГМАН не ставил перед собой прямых политических целей. Но в том-то и сила подлинного произведения искусства — оно почти всегда оказывается шире и «дальнейшее» замысла автора. Индивидуализм Борга, его черствость, обращенные к общественной жизни, обрабатываются тем ровным равнодушием, моральной разоруженностью, которых молодежь не прощает взрослой Швеции.

Вот они, точные слова — подлинный смысл жизни! Профессор Борг не понимал, как и чем живет молодое поколение, он устранился от ответственности за будущее нации. Можно равно к девяти запереть парадное своею дома, но запереться от будущего невозможно.

ИнГМАР БЕРГМАН в финале своего фильма находит какие-то шаткие мостики, по которым профессор Борг пробивается к свету. Во сне Борг видит уже не вымерший город, не клинические ужасы, а милую патриархальную чету: это его родители с удочками в руках замерли на берегу живописного озера. Впервые на морщинистом, измученном за трудные сутки лице Борга мелькнула улыбка успокоения. В финале «Земляничного поля» есть что-то от рождественской сказки. Это уход от сурового и жестокого ответа.

Обвинениям умной Марианны — личным, как будто не выходящим за рамки быта и психологии, — вторят десятки голосов «раггаров» и «черных» или «комнатных куртов» — еще более юной прослойки хулиганствующей молодежи. Они тоже обвиняют во всем взрослых шведов. Об этом заходит разговор в полицейских участках, именно это обвинение выдвинули представители «раггаров» в беседе с госпожой Турссон. Они обвиняют «взрослую» Швецию: политиков, деловых людей, учителей, родителей — всех, кто создал Швецию такой, ка она есть, — благоустроенной, красивой, технически оснащенной, —

ИнГМАР БЕРГМАН в финале своего фильма находит какие-то шаткие мостики, по которым профессор Борг пробивается к свету. Во сне Борг видит уже не вымерший город, не клинические ужасы, а милую патриархальную чету: это его родители с удочками в руках замерли на берегу живописного озера. Впервые на морщинистом, измученном за трудные сутки лице Борга мелькнула улыбка успокоения. В финале «Земляничного поля» есть что-то от рождественской сказки. Это уход от сурового и жестокого ответа.

Проблема отцов и детей, проблема защиты молодежи от меркантильного цинизма, от пресыщенного, лишнего высокого идеала образа жизни, очень остро стоит в сегодняшней Швеции. ИнГМАР БЕРГМАН своим талантливым фильмом помогает зрителю глубже понять корни тяжелых социальных болезней.

На парижской сцене

В НАЧАЛЕ осеннего театрального сезона в Париже столичный театр «Ренессанс» поставил новую пьесу Жан-Поля Сартра «Затворники из Альтоны».

Над своей новой пьесой Сартр работал полтора года. Действие пьесы разворачивается в наши дни, в семье крупного западногерманского промышленника. Глава семьи, по меткому замечанию самого Сартра, — один из тех, кого западногерманская печать ныне почтительно именует «титанами, восстановившими Германию».

Фернан Леду, Мари-Оливье, Эвелин Рей, Серн Ремонни в сцене из спектакля «Затворники из Альтоны». Рисунок художника Гарсия из французского еженедельника «Леттр Франсез».

Наиболее сложен образ его сына Франца, главного героя пьесы. В юности Франц презирал нацистов, возмущался созданием концентрационных лагерей. Тем не менее впоследствии, в силу ложно понятого патриотизма, а отчасти из болезненного стремления к самоутверждению, Франц становится лейтенантом гитлеровского вермахта. Он сражается против Советского Союза и участвует в преступлениях нацистов. В Смоленске он допрашивает двух советских людей, схваченных гитлеровцами. Те молчат. Лейтенант пытает их, но они умирают, ничего не сказав.

После войны Франц возвращается в Германию, в свою семью. Не в силах принять окружающую его действительность, властно указывающую на ошибочность и преступность всей его жизни, Франц становится добровольным затворником. Он наглухо заколачивает окна в своей комнате, запирается в ней, отказываясь от всякого контакта с внешним миром. Тринадцать лет проводит бывший лейтенант в добровольном заточении, и на протяжении всех тринадцати лет его неумолимо терзает совесть. Пьеса завершается самоубийством героя, предстающим как естественное следствие морального краха.

Парижская театральная общественность, напряженно ожидавшая премьеры, встретила пьесу Сартра с огромным интересом и в целом высоко оценила ее. Только критик реакционной газеты «Фигаро» заявил, что он «ничего не понял» в пьесе Сартра. Однако не кто иной, как Франсуа Мориак, возразил ему, что театральному критику следовало бы быть понимающим.

Не удивительно, что критик из «Фигаро» предпочел «ничего не понять». Сделав ряд критических замечаний, указав, в частности, на чрезмерную растянутость и местами недостаточную эмоциональность пьесы, театральный рецензент «Юманите» подчеркивает, что новая пьеса Сартра «насыщена мыслью, построена с предельным мастерством, полна мощи и сарказма, изобилует удивительными находками... «Затворники из Альтоны» безусловно заслуживают того уважения и интереса, с которыми мы относимся к сильным и смелым произведениям искусства».

Главный редактор С. С. СМРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Редакция «Литературной газеты», журналов «Новый мир», «Теперь» и Всероссийское театральное общество с глубоким прискорбием извещают о безвременной смерти критика Моисея Израилевича ЮФЬЕВА, последовавшей 23 октября, и выражают соболезнование семье покойного.

«Раггары» Зарисовка Л. Владимировского.